

— Кхе!

Один из музыкантов прочистил горло и сделал шаг вперед.

— Господин Бай, вы пришли.

Бай Линъюнь узнал этого человека — мастер Лян, игравший в оркестре на цзинху.

— Выдалась свободная минутка, решил прогуляться. Прошу прощения, что помешал вашей репетиции.

Мастер Лян принялся усердно махать руками:

— Что вы, что вы! Мы как раз собирались дать ребятам передохнуть.

Сказав это, он, словно боясь, что Бай Линъюнь ему не поверит, обернулся и крикнул:

— Перерыв пятнадцать минут!

Получив долгожданную передышку, все тут же повалились прямо на землю. Стояла середина зимы, с неба сыпал снег, и, кроме навеса из черепицы над головой, их ничто не защищало. Подростки так и сидели на ледяных синих кирпичах.

Дети были разного возраста и роста, но одинаково костлявые. Конечно, в оперном искусстве важна стройность, но не до такой же степени, чтобы торчали одни лишь кости — это лишь доказывало, что ребята почти всегда голодны. Одежда на них была тонкая, стоптанные ватные туфли сплошь в заплатках, в жалком состоянии. У тех, кто помладше, еще оставались ватники, но вата из них давно вылезла. А у старших, чье тело уже вытянулось, штанины не доставали до щиколоток, обнажая в лютый мороз покрасневшую от холода кожу.

— Старший брат!

Дай Пэйчуань, вернувшись и не обнаружив Бай Линъюня на месте, в панике, с испариной на лбу, обежал весь двор и наконец нашел его на задворках.

— Снег же идет, почему вы вышли без зонта?

Бай Линъюнь едва заметно улыбнулся:

— Ничего страшного. Пойдем обратно.

Кивнув мастеру Ляну, они вернулись в западный флигель.

— Какой же господин Бай красивый, прямо как человек с киноафиши.

— По мне, так он куда красивее любой афиши. На той картинке человек ни сказать ничего не может, ни пошевелиться.

— Точно, точно! И петь афиша не умеет!

Стоило Бай Линъюню уйти, как труппа зашумела, наперебой обсуждая его внешность. А потом каждый из них призадумался: когда же и они станут такими же прославленными артистами, как господин Бай...

Несколько мастеров сгрудились под навесом, покуривая самокрутки. В кои-то веки они не стали одергивать мальчишек. Пускай поглазеют на то, как выглядит настоящий мастер — глядишь, сравнив себя с ним, поймут, к чему нужно стремиться. Мастер Лян постучал трубкой о землю, взглянул на ребят и вздохнул: в их ремесле, чтобы блистать на публике, нужно сначала пройти через ад. Они видят лишь успех артиста, но разве знают о том, сколько слез пролито за кулисами? Все они — люди горькой судьбы.

Вернувшись в комнату, Бай Линъюнь снял накидку и придвинулся к жаровне.

— Видел второго господина Цяня?

Дай Пэйчуань плотно прикрыл дверь и ответил вполголоса:

— Видел. И еще заметил, что у его дома стоят двое солдат.

— Солдат?

Бай Линъюнь приподнял бровь. Цянь Эр — всего лишь малоизвестный агент театральной труппы, с чего бы у его дверей появляться военным?

— Глава труппы Чэнь тоже их видел. Он не позволил мне следовать за ним дальше и отослал обратно.

Дай Пэйчуань выглядел расстроенным. Старший брат отправил его сопровождать главу Чэня именно для того, чтобы тот своими глазами увидел, какие пьесы выбирает Цянь Эр, но его выставили еще у входа в переулок. Задание не выполнено, он оказался совершенно бесполезен!

Бай Линъюнь похлопал Дай Пэйчуаня по голове:

— Это не твоя вина, я сам не до конца продумал всё.

Он подозревал, что выбор пьес на последние два дня — дело рук не Цянь Эра, поэтому и отправил Дай Пэйчуаня на разведку. Как опытный агент, Цянь Эр не мог действовать так бессистемно: в выборе и порядке постановок всегда есть свои правила. А в последние дни репертуар выглядел хаотичным, будто выбирали то, что взбредет в голову. Неужели человек с таким опытом, хваткой и умом мог забыть об элементарных вещах? Единственное объяснение — кто-то стоит за его спиной и диктует свою волю. Двое солдат, которых заметил Дай Пэйчуань, заставили Бай Линъюня призадуматься.

— Старший брат, может, мне сходить еще раз?

Бай Линъюнь покачал головой:

— Оставь, не к спеху. Возьми два серебряных юаня, передай главе Чэню, когда он вернется, и скажи, что это от меня — на имбирный отвар для труппы.

Дай Пэйчуань был неглуп. Вспомнив увиденное на заднем дворе, он быстро догадался, в чем замысел старшего брата, и, ответив согласием, поспешил за деньгами. Хотя раньше юные артисты его обижали, все они ели из одного котла, и жизни их были одинаково дешевы. В этой грязи единственной радостью было пнуть другого, чтобы хоть как-то выплеснуть злость. Но теперь, когда у него есть старший брат, он наполовину выбрался из этой трясины и не хотел больше опускаться до уровня остальных.

Бай Линъюнь смотрел вслед Дай Пэйчуаню с довольной улыбкой: широкая душа, порядочный человек — из этого мальчишки выйдет толк.

Перед обедом глава Чэнь привел пятнадцати-шестнадцатилетнего юношу. Формально — чтобы поблагодарить за деньги на имбирный отвар, на деле — чтобы попросить Бай Линъюня взять парня в вечернее выступление. Чэнь был в положении просящего, и отказать ему было неудобно. К тому же, сегодня они играли отрывок из Пионовой беседки, а с кем именно выступать — решать не Бай Линъюню. То, что глава Чэнь пришел лично, было знаком большого уважения.

Бай Линъюнь окинул юношу взглядом: внешность и фигура хорошие, да и мастерство, скорее всего, на уровне. Раз глава Чэнь привел его сам, значит, знает, что делает. Они прогнали отрывок — немного сыровато, но вполне достойно, без грубых ошибок. Решение было принято.

Увидев, что Бай Линъюнь так легко согласился, Чэнь Фушэн обрадовался. Он подготовил длинную речь, чтобы убедить его, но ни слова не пригодилось.

Бай Линъюнь поднес чашку к губам, делая глоток — явный намек на то, что пора бы гостю и честь знать. Однако даже после того, как большая часть чая была выпита, Чэнь Фушэн не спешил подниматься. Пришлось отставить чашку в сторону.

— Глава Чэнь, если есть что сказать, говорите прямо.

Чэнь Фушэн замялся. В их кругах чаепитие — это знак прощания, любой мало-мальски проницательный человек это понял бы. Но у него была просьба, в которой он не мог отказать себе, и пришлось набраться наглости. Получив разрешение, он поспешно вскочил и отвесил глубокий поклон, сложив руки перед грудью.

— Господин Бай, у меня есть просьба. Надеюсь, вы вспомните о нашей дружбе, которая длится уже целый год, и не откажете мне.

У Бай Линъюня дернулся уголок рта. Дружба длиной в год? Еще кто-нибудь подумает, что их связывает что-то предосудительное...

Чэнь Фушэн, осознав, что сболтнул лишнее, был готов прикусить себе язык. Заметив, как сжались губы Бай Линъюня, он испугался, что тот передумает, и затараторил, словно его язык смазали маслом:

— Господин Бай, я человек недалекий, да и с людьми ладить не умею. Наша труппа процветала поколениями, а перейдя ко мне, пришла в такой упадок. Я подвел предков, не могу прокормить своих людей. То, что у нас появился такой прославленный артист, как вы, — великая милость, которую я заслужил в прошлой жизни. Теперь в мире оперы, да что там — во всем Ваньцзине, наш Шэнфубань станет уважаемым коллективом. Все это — только благодаря вам! Вы для нас — как переродившийся родитель, как посланный небесами спаситель!

<http://bllate.org/book/19185/1883627>